

Чем продолжительнее молчание, тем удивительнее речь — эти слова Николая Ушакова относятся к художнику. Когда долго молчит большая страна, речь ее оказывается сбивчивым, путаным многоголосием. Сегодня говорят все и говорят много — услышаным быть трудно. В середине шестидесятых годов, когда свернули хрущевскую оттепель, правдивые голоса стали наперечет, и доходили они лишь до тех, кто беспочинную правду предпочитал бытовому покою.

«НАМ НАДО РЕАБИЛИТИРОВАТЬ СОВЕСТЬ»

Диалог
1966 года
Илья
Эренбург —
Варлам
Шаламов:

В архиве Илья Эренбурга сохранилась сделанная неизвестной рукой запись его выступления на встрече с читателями в Москве в 1966 году. Это был один из последних публичных выступлений писателя, и притом, с которой Эренбург отвечал на поставленные вопросы, диктовалась не только его возрастом и характером, но и пониманием того, что кучьи демократические свободы, отпущенные Хрущевым, — уже на исходе. Запись, которая тогда по Москве, о чем свидетельствует письмо Варлама Шаламова Эренбургу, в котором он высказывает свои соображения об этом выступлении. Вопросы, волновавшие тогда аудиторию — о корнях сталинизма и о гариантиях ее неповторения, — все еще требуют ответа, и нынешнему читателю, может быть, небесполезно узнать, что об этом думали такие значительные, неординарные свидетели эпохи, какими каждый по-своему были Эренбург и Шаламов.

Нельзя сказать, чтобы имена Эренбурга и Шаламова привычно сопрягались в общественном сознании — слишком разными были их судьбы. Но в политической ситуации шестидесятых годов они стояли, если уместно такое выражение, по одну сторону баррикады.

В 1961 году вышла первая книга стихов Варлама Шаламова (автору шел 55-й год). Среди тех немногих писателей, которым он посчитал нужным ее послать, был и Илья Эренбург. Надпись на книге нестандартная для этой ситуации: «Илья Григорьевичу Эренбургу. Спасибо Вам за Ваши теплые слова о Мандельштаме. 14 мая 1961 г. В. Шаламов». Здесь имеется в виду глава в книге «Люди, годы, жизнь», незадолго перед тем напечатанная в «Новом мире». Эренбург был первым у нас, кто рассказал в печати о Мандельштаме, первым, кто процитировал многие его неопубликованные стихотворения, и это было оценено даже такими пристрастными читателями его мемуаров, как Анна Ахматова¹. Можно уверенно утверждать, что в шестидесятых годах подавляющая масса любителей поэзии узнала о Мандельштаме только из книги Эренбурга (последний сборник Мандельштама вышел малым тиражом в 1928 году, а сколько его читателей разделило судьбу автора, сколько погибло на войне). Шаламов, знавший и любивший стихи Мандельштама, не мог не откликнуться на эренбургские мемуары.

О личном знакомстве Эренбурга и Шаламова мало что известно, но вот точный факт — их встреча на первом после реабилитации Мандельштама вечере, посвященном его творчеству. Это было 13 мая 1965 года на мехмате МГУ. Эренбург председательствовал. Обращаясь к собравшимся, он сказал: «Этот первый вечер устроен не в Доме литераторов, не писателями, а в университете молодыми почитателями поэта. Это меня глубоко радует. Я верю в вашу любовь к поэзии, верю в ваши чувства и радуюсь тому, что вы молоды»².

В зале тогда присутствовала Н. Я. Мандельштам, выступали — Н. К. Чуковский, Н. Л. Степанов, А. А. Тарковский, Варлам Шаламов. В записи, сделанной тогда (она широко ходила в самиздате и была напечатана за границей), о последнем выступлении сказано кратко: «Варлам Шаламов говорит о своем рассказе «Шерри-бренди», написанном на Колыме, и как он удивился, вернувшись и увидя стихи Мандельштама в каждом доме»³. Читает рассказ».

Зал, в котором проходил вечер, был заполнен и студентами, и людьми пожилыми, но о Шаламове многие прежде не слышали. Вот одно из свидетельств: «Затем какой-то человек, очень нервный и неровный, который сидел вместе с О. Э. на Колыме. Он говорил, затем прочел свою повесть — жуткую, о том, как умерла О. Э. И так было у всех на душе колумбуно, а тут эта натуралистическая повесть...»⁴. У Шаламова к тому времени вышло уже два сборника лирики, а «Колымские рассказы» еще предстояло очень долгий и очень трудный путь к уму и сердцу читателя...

Закрывая вечер, Эренбург обратился к почитателям поэзии Мандельштама со словами надежды: «Может быть, как капля, которая ест камень, наш вечер приблизит хотя бы на один день выход той книги, которую все мы ждем. Я хотел бы увидеть эту книгу на этом свете. Я родился в одном году с Мандельштамом. Это было очень давно. Впрочем, после того периода, который называют периодом беззаконий, тоже прошло уже много времени. Подростки стали стареть. Пора бы книге быть»⁵. После мандельштамовского вечера общение Шаламова с Эренбургом стало, как кажется, более частым. Свою вторую книгу («Иллюзия писателя») Варлам

Тихонович подарил Эренбургу, сделав на ней надпись, гласящую о многом: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу, поэту и политику, с глубочайшим уважением и симпатией. Москва, сентябрь 1966 г. В. Шаламов».

С началом периода стагнации для Шаламова исчезает последний шанс увидеть «Колымские рассказы», напечатанные на родине. Завершение мемуаров Эренбурга, запрещенное аппаратом Хрущева вопреки его личной рекомендации (август 1963 г.), напротив — неизбежно появляется в журнале, а затем выходит отдельным изданием (суховская епархия этим, с одной стороны, демонстрировала борьбу с хрущевским волюнтаризмом, поскольку нападки свергнутого лидера на книгу «Люди, годы, жизнь» в марте 1963 года еще у всех были в памяти, а с другой — извещалась от нежелательной критики еврейского коммунизма, неизменно поддерживавшей Эренбурга в постсталинское время). За долгие десятилетия Эренбург привлек к себе дозволительный огонь: отечественные догматики неизменно обвиняли в нем космополитизм, субъективизм, подборка формализма в искусстве (А. А. Фадеев как-то пошутил, что эренбургская квартира, увешанная работами Пикассо, — это последняя цитадель формализма в СССР), с другой стороны, так называемая буржуазная печать Запада с немецким аппетитом обвиняла его в ангажированности, именуя «сталинским эмиссаром». Но в шестидесятые годы началась заметная дифференциация интеллигенции, зародилось диссидентство, и с выходом книги «Люди, годы, жизнь» возникла новая для Эренбурга неофициальная критика «слева» — его стали обвинять в том, что он говорит не всю правду, непоследователен, недостаточно глубоко разоблачает сталинизм. Для Эренбурга, работавшего на пределе цензурных возможностей (только теперь удалось подготовить полное издание его мемуаров, восстановив многочисленные цензурные вымарки) и никогда не работавшего «за стол» (таковы уж были его психологическая природа и его жизненная программа), нападки «слева» оказались неожиданными, они вызвали недоумение и горечь. Тем ценнее было уважение поэту и политику, высказанное Шаламовым, мастером беспощадной прозы, человеком страшным, даже по российским меркам, судьбы.

Поздравляя Эренбурга с новым, 1967 годом, Шаламов написал: «Люди, годы, жизнь» вышли крайне своевременно. Измените Ваше решение — введите в «ЛГЖ» еще лет тридцать — скажем с 1953 по 1983 год»⁶. Это и есть мое новогоднее пожелание. С любовью и уважением В. Шаламов».

Летом Эренбург получил еще одно его письмо: «Дорогой Илья Григорьевич, посылаю Вам новую свою книжку «Дорога и судьба» на Ваш суд. Это — стихи десяти- и двадцатилетней давности, обломки колымских тетрадей. Прошу принять «Дорогу и судьбу» — с добрым сердцем. Ваш В. Шаламов».

Это было написано 25 июня, а в последний день лета Эренбурга не стало. Он, в общем-то, предчувствовал, что ждет страну впереди, но весь этот цирк был уже без него. А Шаламову выпало еще много мучительных лет, но конца той эпохи он не увидел.

Вернемся теперь в 1966 год.

Молодежный клуб интеллигентных встреч, существовавший тогда в Москве, пригласил Эренбурга на обсуждение его книги «Люди, годы, жизнь». Эренбург охотно согласился (он всегда любил говорить с молодежью). Встрече придала форму читательской конференции. Проходила она в помещении библиотеки имени Фурманова на Беговой.

Вот что написал Эренбург в своем письме к Шаламову: «Дорогой Илья Григорьевич, спасибо Вам за Вашу книгу «Дорога и судьба»...»

Летом Эренбург получил еще одно его письмо: «Дорогой Илья Григорьевич, посылаю Вам новую свою книжку «Дорога и судьба» на Ваш суд. Это — стихи десяти- и двадцатилетней давности, обломки колымских тетрадей. Прошу принять «Дорогу и судьбу» — с добрым сердцем. Ваш В. Шаламов».

Это было написано 25 июня, а в последний день лета Эренбурга не стало. Он, в общем-то, предчувствовал, что ждет страну впереди, но весь этот цирк был уже без него. А Шаламову выпало еще много мучительных лет, но конца той эпохи он не увидел.

Вернемся теперь в 1966 год. Молодежный клуб интеллигентных встреч, существовавший тогда в Москве, пригласил Эренбурга на обсуждение его книги «Люди, годы, жизнь». Эренбург охотно согласился (он всегда любил говорить с молодежью). Встрече придала форму читательской конференции. Проходила она в помещении библиотеки имени Фурманова на Беговой.

Вот что написал Эренбург в своем письме к Шаламову: «Дорогой Илья Григорьевич, спасибо Вам за Вашу книгу «Дорога и судьба»...»

Летом Эренбург получил еще одно его письмо: «Дорогой Илья Григорьевич, посылаю Вам новую свою книжку «Дорога и судьба» на Ваш суд. Это — стихи десяти- и двадцатилетней давности, обломки колымских тетрадей. Прошу принять «Дорогу и судьбу» — с добрым сердцем. Ваш В. Шаламов».

Это было написано 25 июня, а в последний день лета Эренбурга не стало. Он, в общем-то, предчувствовал, что ждет страну впереди, но весь этот цирк был уже без него. А Шаламову выпало еще много мучительных лет, но конца той эпохи он не увидел.

Вернемся теперь в 1966 год.

Молодежный клуб интеллигентных встреч, существовавший тогда в Москве, пригласил Эренбурга на обсуждение его книги «Люди, годы, жизнь». Эренбург охотно согласился (он всегда любил говорить с молодежью). Встрече придала форму читательской конференции. Проходила она в помещении библиотеки имени Фурманова на Беговой.

Вот что написал Эренбург в своем письме к Шаламову: «Дорогой Илья Григорьевич, спасибо Вам за Вашу книгу «Дорога и судьба»...»

Летом Эренбург получил еще одно его письмо: «Дорогой Илья Григорьевич, посылаю Вам новую свою книжку «Дорога и судьба» на Ваш суд. Это — стихи десяти- и двадцатилетней давности, обломки колымских тетрадей. Прошу принять «Дорогу и судьбу» — с добрым сердцем. Ваш В. Шаламов».

Это было написано 25 июня, а в последний день лета Эренбурга не стало. Он, в общем-то, предчувствовал, что ждет страну впереди, но весь этот цирк был уже без него. А Шаламову выпало еще много мучительных лет, но конца той эпохи он не увидел.

Вернемся теперь в 1966 год.

Молодежный клуб интеллигентных встреч, существовавший тогда в Москве, пригласил Эренбурга на обсуждение его книги «Люди, годы, жизнь». Эренбург охотно согласился (он всегда любил говорить с молодежью). Встрече придала форму читательской конференции. Проходила она в помещении библиотеки имени Фурманова на Беговой.

Вот что написал Эренбург в своем письме к Шаламову: «Дорогой Илья Григорьевич, спасибо Вам за Вашу книгу «Дорога и судьба»...»

мысли и социальные чувства, но и свои отношения к людям строят на последней инструкции или директиве от такого-то числа.

Меня упрекают в том, что я скопировал конец своей книги, где говорится о Сталине, утверждают, что я обманывал до конца разоблачить его и т. д. Врач Тер-Григорян, родившийся в 1931 году, в своем выступлении заявил: «Это ваш долг как человека с мировым резонансом, долг уже потому, что другой писатель, тоже с мировым резонансом, позволил себе буквально в эти дни недостойное выступление, в котором поставил рядом антидемократические беззакония наших дней с революционной законностью первого периода советского государства».

Я не согласен с этим. В письме ко мне, которое идет по Москве¹¹, меня упрекают, что я называю Сталина умным. А как же можно считать глупым человека, который перекричал решительно всех своих беспросто умных товарищей? Это был ум особого рода, в котором главным было коварство, это был аморальный ум. И я об этом писал. Не думаю, что дело выиграло бы, если бы я добавил несколько бранных эпитетов в адрес Сталина.

Я сделал то, на что я способен, сделал все в пределах того, что мне понятно, дал психологический портрет наиболее экономными средствами. Но тут граница моего разумения. И в этом я открыто признаюсь и признавался. Ведь историческое дело не в личности Сталина, а в том, о чем говорил Толстятин: «Как Сталин мог прийти к власти? Как он мог держаться у власти столько лет?»¹². Вот этого-то я и не понимаю. Миллионы верили в него безоглядно, шли на смерть с его именем на устах. Как это могло произойти?

Я вижу петуха в меловом кругу или кролика перед пастью удава и не понимаю. Ссылки на бескультура и отсталость нашего народа меня не убеждают. Такие доводы кажутся мне неубедительными. Ведь аналогичное мы видели в другой стране, где этих причин не было.¹³ Я жажду получить ответ на этот главный вопрос, главный для предотвращения такого ужаса в будущем. И я приглашаю всякого, кто может ответить на этот вопрос, позвонить и прийти ко мне, но так, что говорить буду не я, а пришедший. Я же буду слушать неограниченное количество часов...

Я хочу ответить на поставленные здесь вопросы:

1. Не настало ли время назвать по имени друга из московской подпольной большевистской организации, который привлек меня к революционной деятельности?

2. И такой же вопрос о том товарище, который при свидании в Вене послужил причиной моего отхода от партии?

По первому вопросу: вы меня обижаете. Я никогда не считал, что не время называть имя одного из лучших моих друзей — Николая Ивановича Бухарина. Но не я определяю, что можно печатать.¹⁴ Я только пишу. Изъятия из моей книги делались не мною, а издателями, и не только на стадии редактирования, но и на стадии набора. Особенно это отразилось на пятой части моей книги¹⁵. Она печаталась в то время, когда Хрущеву моя книга не понравилась, а ее судьбу решали люди, для которых каждое слово Хрущева было законом. Точно так же, как теперь для них закон — чернить Хрущева.

По второму вопросу: здесь дело обстоит как раз наоборот. Мои издатели были бы довольны, если бы я назвал имя этого человека¹⁶. Но я считал неэтичным, даже аморальным сделать это, так как мои слова о тогдашнем венском инциденте могли бы быть восприняты как утверждение, подкрепленное дальнейшими делами и судьбой этого человека.

Будет ли переиздана моя книга? Обещают сделать это в 8-м и 9-м томах моих сочинений, чуть ли не в этом году и даже без предисловия¹⁷. Но я стал суеверным и, чтобы не сплести, халатно рукою за дерево.

Удаться ли восстановить вырезанное из прежних изданий? И что именно? Я не знаю. Дополнения сделаю: 1) о Фа-

дееве (не дали напечатать)¹⁸, 2) о Тынъяновом. Вижу, что надо написать подробнее.

По поводу статей военных лет. Не жалею о них и недооцениваю их (в чем-то жалею, пожалуй, товарищ, прошедший через всю войну). Это относится и к статье «Убийца немца». Поход против нее был пошлостью политического заигрывания с немцами, меня решено было принести в жертву как персона, особенно ненавистную им¹⁹. Что это была неоправданная и не оправдавшая себя игра, стало ясно уже очень скоро: пожертвование Эренбургом не сделало фашистские расправы с советскими людьми менее жестокими и зверскими.

Тов. Тер-Григорян приводил здесь Библийскую легенду о сорочке годов странствия евреев по пустыне. По-моему, он неверно толковал ее. Дело не в том, что Моисей хотел за сорочку лет переделать рабскую психологию своего народа, а в том, что сорочку лет нужно было, чтобы люди, помнящие рабство, физические вымерли. Я так понимаю эту легенду. Я думаю, что с наследием наших страшных лет можно будет покончить лишь тогда, когда люди, воспитанные этими годами, физически исчезнут в нашем обществе. Я говорю это не только о людях моего возраста, но и о тех, кто моложе меня лет на двадцать. Надежда моя — на молодежь, которая не прошла через такое воспитание. Я ее очень люблю. Она, разумеется, делает глупости, но у нее есть дух критики, дух независимости мысли, она не оглядывается на директивы, а ищет, и она найдет. Найдет, но только в том случае, если сумеет реабилитировать совесть...

Если же мы не сумеем восстановить место совести в нашей жизни, если мы не реабилитируем совесть, то если эта галактика с луной, спутниками и прочим окажется бредным цирковым трюком на финальном этапе истории человечества.

28 апреля 1966 года
В. Т. Шаламов —
письмо И. Г. Эренбургу

«Илья Григорьевич, от всей души благодарю Вас за выступление в Библиотеке 9 апреля. Только сегодня мне удалось просмотреть запись Ваших ответов на вопросы (а о самом вечере я и не знал).

Я совершенно согласен с главной мыслью о необходимости реабилитации совести, о нравственных требованиях, которые предъявляет к человеку подлинное искусство. Ответ — в искусстве, а не в спутниках, не в лунах. Полеты в Космос не сделают человека ни хуже, ни лучше, ибо по Вольтеру: «Геометрия оставляет разум таким же, каким она его находит».

Верно и то, что не в Сталине дело. Сталин даже не символ. Дело гораздо, гораздо серьезней, как ни кровавы реки тридцать седьмого года. Вы отвели неограниченное количество часов для человека, который может ответить на этот вопрос. Ответ существует, только он ищется десятилетиями, а выговаривается годами.

О письме, адресованном Вам, Эрнст Генри — не из тех людей, которые имели бы право делить Вам замечания, насколько скользкая себе «прогрессивный» капитал. Я отказался читать эту рукопись именно по этой причине.

Очень, очень рад, что Вы без обиняков заговорили об отношении и Вашей книге в «Новом мире». Это — журнал конъюнктурный, фальшивый, вредно относящийся к интеллигенции²⁰. Хрущев — он чернул с 18 октября 1964 года²¹, начиная с очерка Тропольского о реках²² и кончая последними стихами Твардовского о деревне²³.

Рад, что восстановлена глава о Фадееве, зачеркнутая Твардовским. Рад, что воскресло имя Бухарина. Рад, что Вы расширяете Тынъянова. Рад, что Вам обещают 8 и 9 том собрания сочинений.

О молодежи. Это — очень важный, это страшный вопрос: о сорочке библийских годов, о погибших поколениях, отравленных этим ядом. Мне скоро шестьдесят лет, и я хотел жить лучше других. Я отвечаю на вопрос о молодежи иначе, чем Вы, но хотел бы жить Вашей верой. М. Б., Вы и правы.

Желаю Вам здоровья, сил душевных, духовных и физических, необходимых в Вашей огромной работе, за которой я много-много лет слежу с самым теплым чувством.

Ваш В. Шаламов.

НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

1. Все приводимые здесь тексты Шаламова цитируются по подлинникам, хранящимся в фонде И. Г. Эренбурга в ЦГАЛИ.
2. Поэтесса Н. Корольова приводит такие стихи Мандельштама в «Москве» (1964, № 8), а И. Г. Эренбург — в альманахе «Простор» (1965, № 4).
3. Из письма Э. А. Мильман, работавшего в 1932—1949 г. секретарем Эренбурга, литературоведу Е. И. Ландау от 18 мая 1965 г.
4. Лица, определявшие тогдашнюю издательскую политику, смотрели на это дело иначе, и сборник стихов Мандельштама вышел в 1973 году, а следующее издание только в 1989 году.
5. Затем мемуары Эренбурга не издавались более 20 лет и даже упоминались в «Новом мире» (1963 г., № 1—3) были изъяты главы о Кончаловском и о «Черной книге», посвященной гитлеровским зверствам над еврейским населением СССР и запрещенной Сталиным, а также сделаны многочисленные купюры в тексте других глав. Однако это было неоправданным решением после письма Эренбурга Хрущеву в связи с полным запрещением публикации пятой части, начавшей со второго номера журнала.
6. Речь идет о Л. Д. Троцком, у которого Эренбург жил в Вене в 1909 году, уже воево сочиняя стихи. Безапамятные высказывания Троцкого о творчестве тогдашних русских поэтов послужили окончательным толчком к отходу Эренбурга от социал-демократической эмиграции. Однако он не считал возможным назвать в этом контексте имя Троцкого, поскольку это могло быть истолковано как вольное или невольное участие в дилемме с 20-х годов нападений чуждой интеллигенции на Троцкого.
7. Речь идет о Л. Д. Троцком, у которого Эренбург жил в Вене в 1909 году, уже воево сочиняя стихи. Безапамятные высказывания Троцкого о творчестве тогдашних русских поэтов послужили окончательным толчком к отходу Эренбурга от социал-демократической эмиграции. Однако он не считал возможным назвать в этом контексте имя Троцкого, поскольку это могло быть истолковано как вольное или невольное участие в дилемме с 20-х годов нападений чуждой интеллигенции на Троцкого.
8. Речь идет об «Открытом письме Илье Эренбургу» Эрнста Генри, которое он начал распространять в самиздате еще до того как его Эренбург, не имевший возможности ответить на это письмо, печатно в силу условий тогдашней цензуры. Письмо Э. Генри теперь опубликовано (см., например, «Дружба народов», 1988, № 2).
9. Эти вопросы были сформулированы Пальмиро Тольятти в его знаменитой записке над которой он работал в августе 1964 г. в Ялте перед смертью (опубликовано в «Правде» 10 сентября 1964 г.).
10. Имеется в виду гитлеровская Германия.
11. Эренбург написал о Бухарине в той главе первой книги «Люди, годы, жизнь», где речь шла о гимназической большевистской организации, в которую его вовлек Бухарин. Ознакомившись с этой рукописью, редакция «Нового мира» не сочла возможным добиваться опубликования положительного текста о «враге народа» и предложила автору получить соответствующее разрешение самостоятельно. 8 мая 1966 г. Эренбург обратился по этому вопросу к Хрущеву, но ответа не получил.
12. При публикации пятой части мемуаров в «Новом мире» (1963 г., № 1—3) были изъяты главы о Кончаловском и о «Черной книге», посвященной гитлеровским зверствам над еврейским населением СССР и запрещенной Сталиным, а также сделаны многочисленные купюры в тексте других глав. Однако это было неоправданным решением после письма Эренбурга Хрущеву в связи с полным запрещением публикации пятой части, начавшей со второго номера журнала.
13. Речь идет о Л. Д. Троцком, у которого Эренбург жил в Вене в 1909 году, уже воево сочиняя стихи. Безапамятные высказывания Троцкого о творчестве тогдашних русских поэтов послужили окончательным толчком к отходу Эренбурга от социал-демократической эмиграции. Однако он не считал возможным назвать в этом контексте имя Троцкого, поскольку это могло быть истолковано как вольное или невольное участие в дилемме с 20-х годов нападений чуждой интеллигенции на Троцкого.
14. Глава о Фадееве была снята «Новым миром» по требованию А. Г. Деметрива, написавшего в рецензии, что Эренбург не любит Фадеева, и А. Т. Твардовского, написавшего на полях этой главы: «Ох, это не Фадеев». Из текста мемуаров были изъяты все сколько-нибудь критические упоминания о Фадееве. Отметим, что эренбургские воспоминания о Фадееве были достаточно прогрессивными. Это была попытка разобраться в драме Фадеева, приведшей его к трагическому концу.
15. Глава о Тынъяновом для пятой книги была написана Эренбургом в значительной мере по настоянию В. А. Наверина. Кроме нее, он написал для пятой книги также главу о В. С. Гроссмане.
16. Неточность. Имеется в виду нападки, развернутая по указанию Сталина против статьи Эренбурга «Хвосты» («Правда», «Красная звезда», 9 апреля 1945 г.). В статье зав. отделом пропаганды ЦК ВПЦ(б) Г. Ф. Александрова «Тов. Эренбург упреждает» («Правда», 14 апреля 1945 г.) писателю инкриминировались призывы уничтожать немецкое население, к чему он, разумеется, никогда не призывал.
17. Это высказывание вряд ли можно считать справедливым. Оно отражает скорее даже не известную ограниченность политических и литературных взглядов Твардовского (заметьте прогрессивное в то ту пору), но отношение редакции и прозе Шаламова. Один из ближайших со-

письмо печатно в силу условий тогдашней цензуры. Письмо Э. Генри теперь опубликовано (см., например, «Дружба народов», 1988, № 2).

9. Эти вопросы были сформулированы Пальмиро Тольятти в его знаменитой записке над которой он работал в августе 1964 г. в Ялте перед смертью (опубликовано в «Правде» 10 сентября 1964 г.).

10. Имеется в виду гитлеровская Германия.

11. Эренбург написал о Бухарине в той главе первой книги «Люди, годы, жизнь», где речь шла о гимназической большевистской организации, в которую его вовлек Бухарин. Ознакомившись с этой рукописью, редакция «Нового мира» не сочла возможным добиваться опубликования положительного текста о «враге народа» и предложила автору получить соответствующее разрешение самостоятельно. 8 мая 1966 г. Эренбург обратился по этому вопросу к Хрущеву, но ответа не получил.

12. При публикации пятой части мемуаров в «Новом мире» (1963 г., № 1—3) были изъяты главы о Кончаловском и о «Черной книге», посвященной гитлеровским зверствам над еврейским населением СССР и запрещенной Сталиным, а также сделаны многочисленные купюры в тексте других глав. Однако это было неоправданным решением после письма Эренбурга Хрущеву в связи с полным запрещением публикации пятой части, начавшей со второго номера журнала.

13. Речь идет о Л. Д. Троцком, у которого Эренбург жил в Вене в 1909 году, уже воево сочиняя стихи. Безапамятные высказывания Троцкого о творчестве тогдашних русских поэтов послужили окончательным толчком к отходу Эренбурга от социал-демократической эмиграции. Однако он не считал возможным назвать в этом контексте имя Троцкого, поскольку это могло быть истолковано как вольное или невольное участие в дилемме с 20-х годов нападений чуждой интеллигенции на Троцкого.

давно вспоминал о Шаламове: «Помню его появление в «Новом мире» в начале 60-х годов, ездил же не той зимой, когда была напечатана повесть об Иване Давыдове. Высокочеловек и высушенное морозом, глубоко запавшие глаза... Он никогда не снимал верхней одежды, так и входил в кабинет улицы, забегал на минуту, словно для того, чтобы что-то переписать — до его рукописи очередь еще не дошла» («Знамя», 1989, № 6).

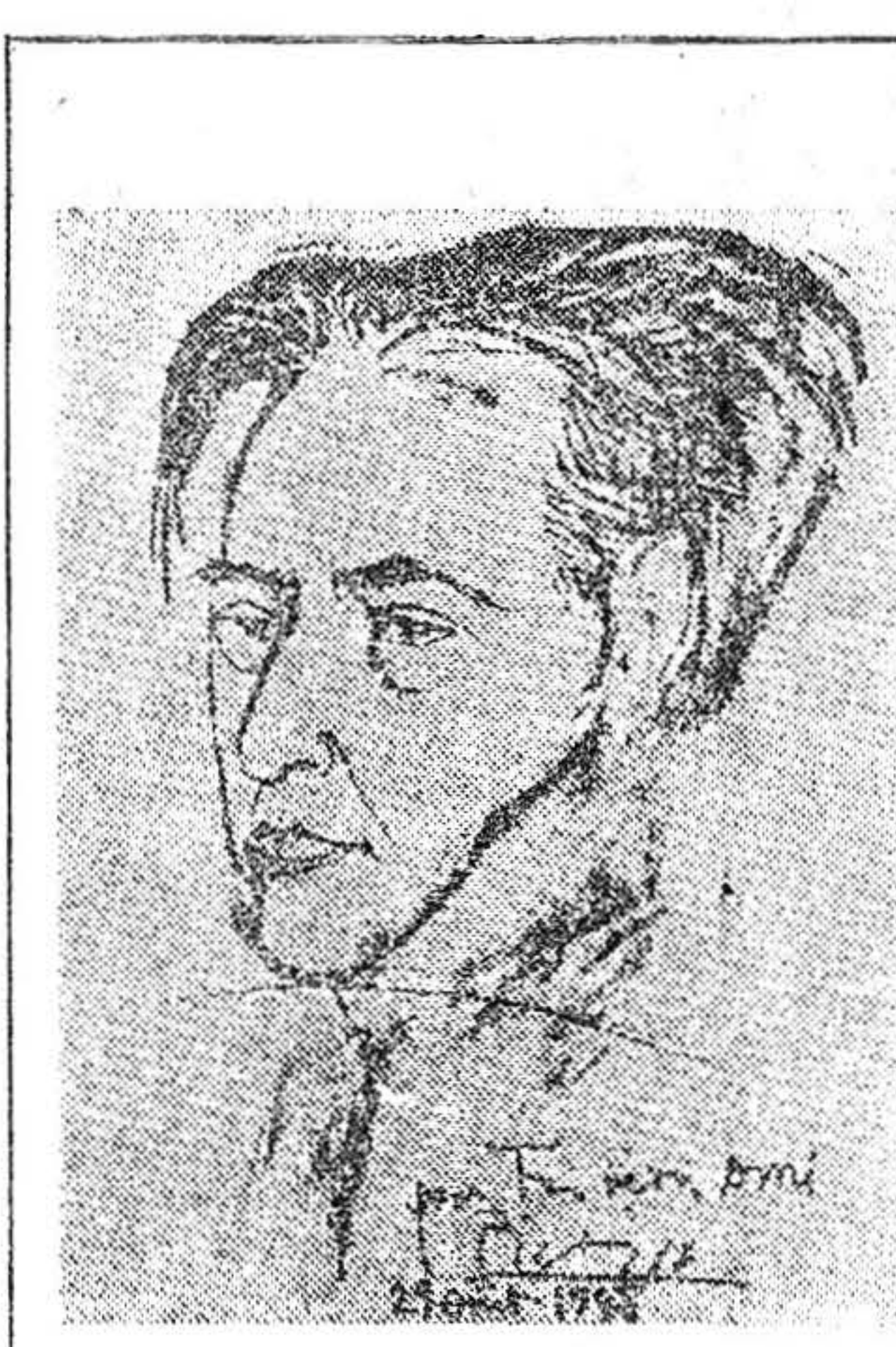
Конечно, Шаламов не мог формировать свое отношение и той ситуации с такой интонацией внутреннего покоя. Однако уже пару лет спустя он, надо думать, не мог бы не признать, что «Новый мир» стал единственным органом и странне, выражавшим оппозицию всей доктринетической интеллигенции безмерной власти партбюро.

22. Н. С. Хрущев был свергнут 14 октября 1964 г.

23. Имеются в виду очерки Г. Тропольского о реках, печатавшиеся в «Новом мире», 1965, № 1), написанные в мае-ноябре 1964 г. и направленные против антиэкологической политики восточной партии, когда пересматриваются многие непродуманные, субъективные решения», — писал Тропольский, завершая очерк, и эти слова были не столько дано критики хрущевской политики в отношении природы, сколько выраженные надежды на государственный ум и гуманность нового руководства. Насильно навязанными были эти надежды, показало будущее.

24. Имеется в виду, в частности, стихотворение Твардовского «А ты самых послушай хлѣбоборова» («Новый мир», 1965, № 9), которое, не считая, не могло быть неадекватно по Хрущеву, но не утратило актуальности и сегодня.

Публикация, предисловие и примечания

Портрет Илья Эренбурга работы П. Пикассо.